

Геннадий ЛУНЕГОВ

МАЛЕНЬКИЙ ЭКСКУРСОВОД

Заканчивалась третья неделя экспедиции. Позади дорога от Кемерово до Байкала на микроавтобусе, водный путь на «ракете» по самому глубокому озеру планеты, штурм Байкальского хребта и сплав с хребта по реке Лене. После безлюдья Байкало-Ленского заповедника деревня Чанчур на нашем пути – первая. От бесконечного петляния реки среди мшистых гор и болот, «расчёсок» и бревенчатых заторов мы, семеро кузбассовцев на рафте и катамаране-двойке, порядком устали и направились к людям.

Облокотившись на горбыль забора, ответным сдержанным жестом нас поприветствовал седобородый дед (как оказалось, он в посёлке был за старшего). Вместе с ним нас вышли встречать его жена со светловолосой внучкой лет девяти. Неспешно переговорив о том, о чём обычно беседуют при недолгом знакомстве: кто, откуда, куда и зачем, когда вроде бы уже и темы закончились, бабуля сказала внучке:

– Катя, покажи-ка гостям наш музей.

«В этакой глуши – музей?! – читалось на наших лицах. – Не слишком ли громко звучит? Здесь домов-то, что раскиданы на обширной поляне, по пальцам двух рук пересчитать...»

– Идите за мной! – раздался повелительный детский голосок, и мы послушно вытянулись цепочкой за девочкой в джинсовом костюмчике, с бодро подрагивающей при ходьбе косичкой.

Оказалось, что она нездешняя: приехала на лето из Иркутска к бабушке с дедушкой и сегодня ждёт родителей, которых должна доставить моторная лодка с низовья Лены.

Мы шли по тропинке, выходящей по цветущему разнотравью лугов, пару раз подныривали под заплот из распущенного бензопилой горбыля (кстати, в посёлке все доски выполнены именно этим способом, что видно по концентрическим кругам на срезах деревьев). Может показаться, что постройки здесь срублены кое-как, а нет – всё очень аккуратно. Всю дорогу я старался угадать, какая из немногочисленных построек является местной достопримечатель-

ностью, целью нашей прогулки по местным достопримечательностям. И тут мы остановились перед большим постаментом с обработанным камнем, на вершине которого была укреплена звонница.

Катя позвонила в колокола и позволила нам сделать то же самое. Выбитая на камне надпись, гласила что установлен он казаку Курбату Иванову, первопроходцу к Байкалу в 1643 году, и что память о прошлом – это дозорная вышка, с которой хорошо видно будущее. Здесь ли на самом деле проходил отряд Курбата Иванова, сделавшего топографическую съёмку берегов Байкала, судить не берусь, только по высочайшему указу множество казацких отрядов осваивало тогда Сибирь.

Поразительно не то, что они шли и шли в короткие сибирские лета, а то что они ещё вели съёмку местности. Например, лично я, пока мы шли по верховьям Лены с невероятным количеством речных поворотов с порогами, подобное вряд ли смог бы выполнить.

Однако сюрпризы продолжались. Катя подвела нас к совсем низенькому, словно игрушечному, домику и зачитала с мемориальной доски слова Валентина Распутина: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни». И продолжила:

– Здесь жил заслуженный лётчик-испытатель Герой Советского Союза Тюрюмин Александр Михайлович, – и обернувшись к внимательной аудитории, широким жестом девочка показала на домик, – прошу пройти в музей.

Низкая притолока заставила почтительно согнуться. В центре побеленного помещения – русская печь с палатами, в передней – две аккуратно заправленные кровати.

– Это гостиница для приезжих, – пояснила экскурсовод. – А дальше комната с кроватью, на которой спал в детстве Александр Тюрюмин. Там всё сохранено, как и было. Тюрюмин сам это подтвердил, когда приезжал к нам в Чанчур.

Мы тепло поблагодарили Катю и собрались было возвращаться к своим вёслам, как девушка заявила, что сейчас мы продолжим осмотр музея.

«Неужто каждый дом в селеньи том музейный?» – подумалось тогда.

Знакомой тропкой мы вернулись в усадьбу Катиных бабушки с дедушкой. Двор был чрезвычайно аккуратный, часть его, с дощатым полом, укрыта под навесом, на длинной стене развешена домашняя утварь – каждая вещь на своём месте. Бабушка занималась засолкой рыжиков – гладких, чистеньких, вымытых в колодезной воде. А вот и сам колодец, глубины поразительной. «Дед своими руками сделал! – с гордостью заявила нестарая бабуля. – Сначала выкопал пологую яму, потом установил в ней этот высоченный сруб и засыпал вокруг грунтом».

Вода в колодце оказалась ледяная и пить её было нужно осторожно. Мы осмотрели всё, что нам показали радушные хозяева, и вновь засобирались в путь. Но распорядительная Катя опять позвала идти за нею по крутой наружной лестнице, ведущей на второй этаж дома: «Поднимайтесь, не бойтесь, здесь всё сделано крепко».

Нам ли, сильным, умудрённым житейским опытом мужчинам, показывать перед девчушкой свою боязнь высоты на узкой лестнице? На длинной веранде второго этажа Катя сняла кроссовки, велела разуваться и нам. Пришлось извиниться перед дамой за свои мокрые ноги в шерстяных носках: мол, мы же по воде плаваем, ходим то есть.

– Как можно плавать с мокрыми ногами по холодной воде? – изумилась Катя.

– Мы турики... ну, туристы-водники... – залепетали мы вразнобой в своё оправдание, будто провинившиеся школьники перед строгой учительницей, и переступая с ноги на ногу, оставляя на деревянном полу мокрые отпечатки.

Подумалось: что ещё можно показать в здешней глуши? Первым нас встретило чучело медведя с протянутым подносом, на котором лежали оставленные кем-то деньги. Намёк был более чем прозрачен, и мы сделали свой скромный взнос. Девчушка уверенными жестами показала на чучела разных животных, не забыв отметить, что они выполнены её дедушкой, и что всё здесь находящееся собрал он. Катя отодвинула занавеску с двери и попросила осмотреть следующую экспозицию, которая была посвящена их земляку Тюрюмину.

– Всё, что здесь вы видите, заслуженный лётчик испытатель лично привёз для нашего музея...

С многочисленных фотографий нам улыбались знакомые лица Королёва, Гагарина и других кос-

монавтов, конструкторов и пилотов, с которыми привелось работать Тюрюмину за свою долгую жизнь.

– Сейчас Александру Михайловичу за восемьдесят лет, он всё ещё бодр и полон сил, это вы можете видеть на фотографиях, которые сделаны здесь, в Чанчуре. Благодарю вас за внимание. Экскурсия закончена.

На столе лежал журнал с отзывами и авторучка. Удивительно, что отзывов оказалось много. Жаль, не было времени просмотреть их. Лишь коротко черкнул благодарности нашему маленькому экскурсоводу за несомненный профессионализм.

По дороге к берегу спросил девочку:

– Катя, здесь есть магазин?

– Нет.

– А где здесь люди работают?

Девочка удивлённо промолчала.

– Ну как они здесь живут?

– Люди здесь просто живут.

Исчерпывающий ответ. Видимо, жить и нужно просто. Просто жить. Случайный философский ответ девушки – всем нам, взрослым, – наука.

Спустились к воде, оттолкнулись. С берега нам вслед смотрели дед с бабушкой и Катя.

Отчего-то вдруг захотелось сказать Кате что-нибудь хорошее, как назло, в голову ничего не приходило, а река быстро уносила нас всё дальше, только мелькали в прозрачной ленской воде разноцветные донные камешки. И как-то само собой вырвалось:

– Катя, будь счастлива!

Девчушка не ответила. Через несколько минут её маленькая синяя джинсовка на берегу стала еле различимой и скрылась за речным поворотом.

пос. Кедровка

